

Самая
страшная
книга

Хеллоуин

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Х36

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Владимира Гусакова

В книге использованы иллюстрации *Игоря Авильченко*

Х36   **Хеллоуин:** сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2015.— 349, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-091699-3

Мое время — ночь. Мой праздник — Хеллоуин. Имя мне — легион.

Ведьмы, бесы, оборотни, упыри, зомби, тролли, привидения, домовые и прочая нечисть — все в сборе! Армия Тьмы собралась отпраздновать Хеллоуин как следует... на страницах книги, которая так и называется — «Хеллоуин».

Будет весело и грустно, захватывающе и мрачно. Будет страшно.

Это лучший подарок для всех любителей мистики и ужасов!

Это коллекция волнующих историй о потустороннем, собранная Парфеновым М. С., создателем антологий-бестселлеров «Самая страшная книга 2015», «13 маньяков» и других.

Это не просто книга. Это — праздник!

Самый страшный праздник года —

ХЕЛЛОУИН...

Подписано в печать 29.05.15.

Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж   экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 2015

© М. С. Парфенов, составление, 2015

© В. Гусаков, обложка, 2015

© И. Авильченко, иллюстрации, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Праздник нечисти

Слушайте, я люблю пугать людей. Это забавно.

В детстве я мог спрятаться в темной прихожей среди одежды у вешалки, чтобы в самый неожиданный момент выскочить оттуда с громким криком «бу!», когда моя бедная ничего не подозревающая мама направлялась на кухню либо в уборную.

Конечно, маме это нравилось куда меньше, чем мне.

Если быть точным, ей это совсем не нравилось.

С годами я начал лучше понимать маму... К тому же, когда ты взрослеешь, скрываться в узком углу за вешалками становится гораздо сложнее. По счастью, к тому времени я уже давно нашел способ пугать людей так, чтобы от этого все получали удовольствие. Ну или не все, но как минимум сами «участники процесса».

Когда мне было девять лет, я написал маленький рассказ под довольно претенциозным названием «Человек без стыда». Сюжет его был навеян... чего уж там, в какой-то мере он был просто стибрен (ведь в девять лет я не знал, что такое «параллели» и «аллюзии») у зарубежных и отечественных писателей, в рассказах которых люди сталкивались с дьяволом. В девять лет я зачитывался такими историями.

В моей миниатюре посланец ада являлся ночью к очень большому грешнику, чтобы забрать его мерзопакостную душонку туда, где ей самое место. Однако хитрый парень не растерялся и сумел объегорить самого Сатану: заболтал, выиграл время, а когда пропели петухи, послал чертяку куда подальше и объявил, что намерен в сей же день явиться в цер-

ковь за отпущением грехов. Растворяясь в утреннем тумане, обманутый дьявол страдальчески стонал: «Стыда у тебя нет!..»

Подобно грешнику из моего детского рассказа, нам всем, авторам и любителям хоррора, частенько приходится выслушивать в свой адрес обвинения в отсутствии совести, морали, в извращениях, вредительстве и бог весть в чем еще. Проблема в том, что, в отличие от коварного Человека без стыда, который мог рассчитывать на милость церковников, никто никогда не простит нам наш на самом деле единственный грех — то, что мы любим пугать. Кроме доброй мамы, конечно.

Такие авторы, как Стивен Кинг, добиваются огромного успеха, рассказывая людям страшные истории. Но даже Кингу приходится терпеть критику только за то, что он любит (и умеет) пугать.

Причем, как правило, обструкции авторов хоррор-литературы подвергают вовсе не те, кого они пугают. Лично мне никогда не доводилось слышать от поклонников ужасов и мистики что-нибудь вроде «эй, мужик, да ты просто болен, ты пишешь отвратительное дерьмо». Скорее они могут сказать: «Чувак, ты меня здорово напугал! Хочу еще!» Зато в университете одна преподавательница, узнав, что темой моей дипломной работы будет «Трансформация готической жанровой традиции в современном романе на примере романа С. Кинга „Сияние“», нашла возможность сообщить мне, что, на ее взгляд, я «слишком далеко зашел на темную сторону», и что это может сказаться на моей психике. Разумеется, она, эта дама-преподаватель, не любила читать ужа-сы. Она интересовалась каббалой.

Даже не знаю, что хуже — когда тебя обзывают психом или когда твои книги «от греха подальше» прячут на самый низ стенов в книжных, а то и во все изымают из продажи, как поступили в паре не самых маленьких московских магазинов с предыду-

щим томом серии «Самая страшная книга», антологией «13 маньяков».

Кстати, надеюсь, что вам не пришлось слишком долго искать ту книгу, которую вы сейчас держите в руках.

Но, раз уж вы ее нашли, позвольте вас поздравить.

Если вы любите ужасы и мистику, поздравляю еще раз.

Потому что, знаете, несмотря на всю критику, несмотря на зачастую предвзятое отношение к авторам и ценителям хоррора, нам с вами здорово повезло.

Во-первых, мы — каждый из нас — занимаемся тем, что мы любим делать. Пугаем и пугаемся. Помоему, это здорово. А во-вторых, у нас с вами в году больше праздников, чем у всех остальных. Помимо Нового года, дня рождения, 8 Марта или 23 Февраля, мы можем, например, праздновать любую пятницу 13-го числа. Кроме шуток — лично для меня это всегда праздник. А Хеллоуин, ночь, когда, согласно поверьям, открываются врата между мирами живых и мертвых, для нас вообще сродни профессиональному празднику.

Создатели данной антологии хотели сделать ее настоящим подарком для таких же, как и они, неравнодушных к мистике и ужасам людей. На страницах этой книги собраны истории о самых разнообразных потусторонних существах: бесах, демонах, троллях, ведьмах, мстительных призраках, живых мертвецах, вампирах, оборотнях и таинственных двойниках из зазеркалья. Некоторые из этих историй вас повеселят, другие заставят задуматься о чем-то серьезном, третьи нагонят грусть. И, конечно же, эти рассказы будут пугать. Ведь, в конце концов, именно этого читатель и ждет от подобных коллекций.

И пусть в очередной раз кто-то будет говорить о «вреде» литературы ужасов, о «маргинальности» ее адептов.

Ночь — наше время. Хеллоуин — наш праздник. Так давайте же праздновать, друзья! Покончим уже с этим многословным вступлением и перейдем к волнующим историям, от которых, как любили когда-то писать в аннотациях к переводному хоррору, «стынет в жилах кровь».

Мы ведь лучше, чем кто-либо еще, понимаем, что пугать и пугаться — это забавно...

Парфенов М. С., составитель

Максим Кабир

КЛАССНЫЕ РОГА, ЧУВАК!

Захару Кривцу нравилась его работа. Чувствовать чужую боль кончиками зятянутых в резину пальцев. Соединяться с человеком с помощью острой стали. Он поменял множество специальностей, но лишь здесь, в полуподвальном помещении, именуемом «пыточная», он по-настоящему обрел себя. Что бы отец ни думал по этому поводу. У отца было кем гордиться и без него. Пусть братья Захара оправдывают родительские чаяния: один — на поприще юриспруденции, другой — в рясе, перед иконами. У Захара был свой путь боли.

Скальпель неспешно вонзался в женскую плоть. Струйки крови стекали по резиновым перчаткам.

Девушка смотрела в потолок с немой мольбой. Мышцы были напряжены, зубы сжаты. Лишь мычание вырывалось из ее груди, когда он резал. Но, если бы она попыталась кричать, звукоизоляция и ревуший из колонок грайндкор обнулили бы бессмысленные вопли.

Она лежала на койке — красивая, истекающая кровью брюнетка.

Скальпель терзал ее тело. Кожа расползалась. Бедро расцветало пурпуром. Оно больше никогда не будет таким гладким и шелковистым.

Захар улыбался белоснежными зубами. Хирургический инструмент порхал в его руках кисточкой ху-дожника.

Крошечная слезинка спускалась по щеке девушки, как паучок на паутине.

Захар Кривец сделал последний надрез и вытер рану полотенцем.

— Живая?

— Черт, даже не знаю,— ответила девушка.

Он помог ей встать и подвел к зеркалу. Девушка посмотрела на себя изумленно. Кровоточащая рана покрывала треть бедра. Свежие лоснящиеся линии соединялись, образуя цветков. Уродливый и прекрасный одновременно бутон.

— Это потрясающе,— произнесла брюнетка искренне.

Захар Кривец занимался татуировками и шрамированием несколько лет. Через его иглы и скальпели прошли сотни парней и девушек. Но удовольствие от процесса не притупилось до сих пор.

Отец пришел в ярость, увидев, как изменился младший сын, покинув дом. Худой, длинноволосый, с ног до головы покрытый татуировками, Захар был абсолютной противоположностью уважаемым братьям. Слово насмехаясь над отцом, он наколот себе на животе адское пламя и грешников. Страдания были переданы так искусно, что сам Босх позавидовал бы мастерству. Уродливый дьявол разместился на солнечном сплетении парня. Раздвоенными копытами он топтал грешников, но одновременно опасно косился вверх — туда, где в облаках парил Бог, занимая всю грудь Захара. Стилизованный под живопись Микеланджело, выписанный с изяществом Ватто, Бог оскорбил отца не меньше, чем карикатурный дьявол.

Дверь захлопнулась за Захаром.

Он усмехнулся и вставил себе в лоб два маленьких стальных рога. Женщинам рожки особенно нравились.

Брюнетка со свежей розой на бедре и двумя десятками сережек в смазливом личике разглядыва-

ла Кривца, пока тот обрабатывал и забинтовывал рану.

— А что ты делаешь после работы? — спросила она, кокетливо касаясь Бога на его груди.

— Читаю книги, — спокойно сказал он.

Разочарованная девушка покинула комнату.

— А знаешь, — сказала ему Соня, наматывая на пальчик рыжий локон, — твоя неприступность возбуждает.

Тату-студия находилась в одном помещении с салоном красоты, и Соня работала там парикмахером.

— Если бы мужчины меня интересовали, я бы, наверное, запала на тебя.

— Давай оставим все как есть. Ты будешь самой красивой в городе лесбиянкой, а я — парнем, который не спит с клиентами.

— Заметано. Но ты все-таки странный.

Соня не без оснований полагала, что любить «Nar-palm Death» и Данте одновременно — странно. Но именно за чтением второй главы бессмертной классики застал Захара очередной клиент.

Он вошел без стука — приземистый мужчина лет сорока пяти. Даже сквозь зимнюю дубленку были заметны внушительные мускулы и широкие плечи. Лицо грубое, наспех слеplенное, выделялось разве что крупным носом. Маленькие тусклые глаза прятались в тени растрепанных бровей. Щеки покрывала серебристая щетина. Типичный работяга. Ни тебе туннелей в ушах, ни пирсинга, ни модной подкрашенной бородки.

Мужчина стянул с себя лыжную шапку, показывая, что и ирокеза он не носит. Шишковатый череп был обрит до седой щетины.

Гость уставился на мастера. Этот взгляд Захар ощущал на себе каждый день, когда ехал в метро, когда обедал в закусных. Взгляд обывателя, столк-

нувшегося с неведомой зверушкой. С рогатым жителем ада.

Захар ждал, пока мужчина спросит. Мужчина спросил:

— Это что, рога?

— Рога,— спокойно сказал Кривец.

— Они снимаются?

— Да. Отвинчиваются.

Рот мужчины растянулся в улыбке:

— Ну ничего себе. Ну ты даешь, парень.

Продолжая простодушно ухмыляться, он затопал по студии, мимо экспозиции фотографий и эскизов. Ботинки сорок шестого размера оставляли на линолеуме лужи талого снега.

Захар почувствовал раздражение. Ему не нравилось, когда люди в пыточной начинали вести себя как дома. Ухмылка гостя показалась ему непочтительной по отношению к его искусству.

— Простите, чем я могу вам помочь? — нетерпеливо спросил Захар.

— Ах, да. Помочь. Я хотел бы татуировку. Это возможно, гм, молодой человек?

Слова «молодой человек» он произнес язвительно.

Захару захотелось выставить клиента, но он вспомнил, что скоро Рождество, и ему нужны деньги, чтобы провести уик-энд вне города.

— У вас есть эскиз?

Работяга сунул руку в карман и вытащил оттуда сложенный лист бумаги.

— Надо же, рога,— хмыкнул он, расправляя лист и передавая его мастеру.

Захар ставил сотню на то, что это будет рисунок тигра или дракона, на худой конец, узоры «как-у-Клуни», — короче, то, что делают себе самцы, чтобы привлекать самок. Он удивился, увидев фотографию, напечатанную на газетной бумаге. Точнее, вырезанную из газеты. Фотография запечатлела милую девочку лет семи. Девочка заразительно

улыбалась, демонстрируя ямочки на пухлых щеках.

Пролетарии вроде лысого здоровяка редко делали себе портреты. Но даже не это озадачило Захара.

Лицо девочки казалось смутно знакомым. Оно уже улыбалось ему раньше — ангельское личико в темном углу памяти. Но где именно он мог его видеть?

— Что-то не так? — спросил клиент.

— Нет-нет. Я готов взяться за работу.

— Вот и отлично, — обрадовался мужчина и протянул мастеру свою мозолистую лапу с колбасками коротких пальцев. На среднем пальце сверкал золотой перстень. Утонченная кисть Кривца утонула в огромной шершавой ладони. Мужчина сжал ее, пожалуй, слишком крепко. Демонстрация силы оставила мастера равнодушным.

— Я — Эдик. Эдуард Петрович.

— Захар.

Эдик резко хохотнул.

— Что вас насмешило?

— Простое такое имя у вас, наше. Забавное имя для человека с рогами. И с этими вашими татуировками. Не многовато ли, парень?

Он кивнул на разукрашенный торс мастера, всем видом показывая, что не понимает такого издевательства над собственным телом. Точно так же смотрел на Захара отец.

— Раздевайтесь, — проигнорировал татуировщик замечание клиента.

Даже без дубленки Эдуард Петрович был в три раза шире худенького Кривца. Рельефные мышцы бугрились под его рубашкой, из воротника торчала короткая толстая шея. Ничего общего с панками и готами, обычными клиентами татуировщика.

«Если девочка на фотографии — дочь Петровича, ей повезло, что она пошла в мать», — подумал Захар.

Он справился насчет размера и цвета татуировки. Мужчина хотел черно-серый рисунок на внут-

ренной стороне предплечья, масштабами — один к одному.

При помощи гелиевой ручки Захар перенес портрет девочки на бумагу, затем — на кожу Эдика.

— Ваша дочь? — поинтересовался он между делом.

— Ага, — ослабился клиент. — Мой сахарок.

При усиливающейся неприязни к здоровяку, Захару хотелось поработать над портретом. Очень уж хорошенькой была малышка. Невероятно, что у этого буйвола родилась такая дочь. Клиенты не обязаны нравиться. Но портрет вдохновлял и просил скорейшего воплощения в чернилах.

Собирая машинку, Кривец думал только об ангельской девочке, о том, как он положит тени и как изобразит ямочки на щеках.

— Будет немного больно, — сказал он, смазывая кожу клиента вазелином.

— Больно? — повторил мужчина насмешливо. — Считаешь, что разбираешься в боли?

— Простите?

— Ты думаешь, что, если вставил эти рога, набил на себе демонов, значит, можешь судить о боли? Сынок, я видел такую боль, какая не приснится в страшных кошмарах ни тебе, ни этим уродцам.

Он бросил взгляд на фотографии с разукрашенными и шрамированными людьми.

Обращение «сынок» наполнило рот Захара кислой слюной. Ему понадобилось усилие, чтобы сохранить спокойное выражение лица.

И еще он заметил, что Эдик сказал «я видел боль», вместо «я испытал».

— У каждого свое понимание боли.

— Ерунда, — фыркнул Эдик. — Боль есть боль. Это страна, куда ты попадаешь по особенному билету.

Один из многочисленных братьев Кривца был военным. Подобным снисходительным тоном он учил Захара жить.

«Ты знаешь, как это — получить заряд шрапнели в ногу?» — спрашивал брат.

Захар парировал:

«А ты знаешь, как это — разрезать себе язык на две части?»

Но с клиентом он спорить не стал.

— Как скажете, — произнес он и включил стереосистему на полную громкость.

Эдик вздрогнул.

— А нельзя ли? — прокричал он.

— Нельзя, — сказал Захар с улыбкой. И добавил, зная, что Эдик не слышит его сквозь рев музыки: — Уважай мои правила, мудака.

Игла коснулась предплечья клиента. Раздражение мигом исчезло. Художнику было больше неважно, кто является холстом. Он сосредоточился на рисунке.

Сеанс длился два часа, без перерывов. Клиент ждал, притихший, смирившийся с шумовой атакой. Кажется, он засидел ногу и однажды попросил разрешения поменять позу. Татуировщик не отреагировал, и мужчине пришлось терпеть.

Наконец Захар откинулся на стуле и со стороны поглядел на завершенную работу.

Портрет получился замечательным. Несмотря на то что художник использовал только черную краску, создавалась иллюзия, что кожа девочки нежно-розовая, волосы — пшеничные, а глаза — фиалковые. Густые тени, которые он положил фоном вокруг лица, подчеркивали легкость самого портрета. Одновременно казалось, что девочка находится во тьме, в ночи. И, хотя это не входило в задумку, заказчик был доволен.

— Ну и ну, — выдохнул он, рассматривая татуировку с разных сторон. — Ну и ну, парень.

Захар взирал на пролетария, как победитель на поверженного врага. Ему пришлось вновь пожимать мозолистую лапу.

— Ты гений, черт подери. Я не силен в живописи, но ты Леонардо да Винчи! Мой сахарок, как вылитый. Один в один!

Эдуард Петрович поцеловал собственное предплечье, коснулся губами свежей татуировки. И лизнул языком чернила и сукровицу, лицо своей дочери.

— Надеюсь, малышке рисунок тоже понравится,— вежливо сказал Захар.

Ему в голову пришла нелепая мысль: он жалел, что этот тип будет носить на себе такую искусную работу.

«Что за глупости,— одернул он себя.— Это же его дочь».

Сияющий от счастья Эдик расплатился с татуировщиком.

— Ты хороший парень,— сказал он.— Несмотря на это...

Он, конечно, имел в виду рога.

— До свидания,— отрезал Захар, не желая жать Эдику руку еще раз.

Клиент подхватил со стола газетную вырезку и быстро ушел.

Захар вспомнил, что вопреки обыкновению не сфотографировал свою работу.

— Хрен с ним,— пробормотал он.

Прекрасно сделанная татуировка, возможно одна из лучших его работ, впервые не принесла ему удовольствия. Клиент оставил после себя грязные следы и неприятный осадок. Захар попытался читать, но путешествия Данте по кругам ада вдруг показались ему глупыми и надуманными.

Он захлопнул книгу и вышел из студии. В салоне красоты не было посетителей. Соня сидела в кресле, забросив длинные ноги на стеклянный столик. Она ела чипсы и смотрела телевизор.

— Что такой кислый?

— Не знаю. Обычная депрессия перед Новым годом.